

ВЛАДИМИР РОДИН

Советник 1-го класса МИД РФ

АЙ ДА ШМАГИН, АЙ ДА...

Шмагин Е. А. “Трусцой по мидовским дорожкам”. М., “Весь Мир”, 2015.

Было время, когда работу советских дипломатов окутывала тайна, покров секретности и романтики. Но сегодня на дворе XXI век, и народ благодаря ТВ и СМИ воочию увидел наших дипломатов в деле. И надо сказать, не разочаровался в них. Высокая культура, мораль, этика – характерные черты современных российских дипломатов. И внешне они смотрятся хорошо. Одеты со вкусом, держатся с достоинством, как и подобает представителям великой державы, ведут дискуссии сдержанно, никогда не позволяют себе унижить или оскорбить оппонента.

А какой русский язык! Мало того! Наши дипломаты ещё и стихи пишут! В 2015 году вышел в свет сборник стихов сотрудников и ветеранов МИД РФ, посвящённый 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, – “Они победили, сражаясь за Родину” (Редактор-составитель В. Н. Казимиров). Руководство МИД РФ поддерживает работу дипломатов над словом, что “во многом роднит нашу профессию с поисками и устремлениями писателей и поэтов”, – говорит министр иностранных дел России Сергей Лавров.

Совет ветеранов МИД РФ ведёт большую работу по сохранению традиций русской дипломатической школы. Выходят в свет мемуары видных советских дипломатов: А. Добрынина, Ю. Квицинского, Ю. Воронцова, В. Кузнецова, Ю. Дубинина и др.

Куда “трусит” Шмагин?

Но вот в киоске МИД РФ появилась книга посла в отставке Е. Шмагина: “Трусцой по мидовским дорожкам”. На обложке изображён человек с тросточкой, очень похожий на Чарли Чаплина. Книга приобрела скандальную известность нелестными откровениями в оценках внешней политики СССР, деятельности МИД СССР–России, публичными оскорблениями советских дипломатов. Её автор – выпускник МГИМО, посол РФ в отставке Евгений Алексеевич Шмагин, способный и талантливый дипломат, с солидным послужным списком: Западный Берлин, Бонн, Вена, Берлин, Бишкек и вновь Бонн. По нашим меркам, он сделал хорошую карьеру. Но, судя по высказываниям самого Е. Шмагина, складывается впечатление, что он чувствует себя незаслуженно обойдённым славой, которая выпала на долю других дипломатов, в частности, Юлия Квицинского.

“Я убеждён, – мечтал Шмагин на заре туманной юности, – что скоро, теперь-то очень скоро, стóит мне получить диплом, и я нащупаю-таки, пер-

вым (!) нащупаю ту таинственную точку опоры Архимеда, с помощью которой переверну мир, заставлю Землю крутиться быстрее, сделаю её лучше, добрее, человечней”. И сам Е. Шмагин считает, что у него были все предпосылки для такого подвига. В Западном Берлине он “выдавал на-гора” 2/3 информационной работы всего коллектива. Когда он руководил Берлинским отделением посольства РФ в Бонне, то “свой новый, по-настоящему демократический, облик посольство России в Берлине впервые (!) приобрело именно в 1997–1999 годах, как бы ни утверждали иное”.

Будучи послом в Киргизии, Шмагин стал там “телезвездой”. Сам Чингиз Айтматов так отзывался о нём: “Киргизии повезло с российским послом”. В Бонне, подчёркивает Е. Шмагин, “мы заслуженно приобрели почётную славу единственно “настоящего консульства” (!). И тем не менее, в родном Министерстве иностранных дел его не оценили и не поняли. И в чём причина? Оказывается, у нас “не любят тех, кто стремится быть первым!” За “первыми”, утверждает Е. Шмагин, закрепились дурная репутация.

Е. Шмагин признаёт, что советский МИД на протяжении десятилетий был укомплектован высокопрофессиональными кадрами, но этот коллектив “в значительной мере работал вхолостую (?!), имитировал бег на месте”. Причина – “запрограммированность внешней политики на безумные цели классовый борьбы в международном масштабе”. В чём-то Е. Шмагин, может быть, и прав (“экспорт революции”), но нельзя с ним согласиться в том, что вся внешняя политика Советского Союза была подчинена интересам классовой борьбы на международной арене. Выдающиеся дипломаты – А. Громыко, А. Добрынин, В. Кузнецов, Ю. Квицинский – прославились во всём мире как державники и патриоты своей Родины, а не как сторонники троцкистской теории “перманентной революции”, которую развенчал Сталин. Когда Е. Шмагин в качестве главной мишени для критики выбирает именно Юлия Квицинского, то здесь он явно попадает впросак. Надо обладать буйной фантазией, чтобы упрекать Юлия Квицинского, дипломатическим искусством которого восхищался весь мир, в том, что, отстаивая интересы СССР–России на международной арене, он руководствовался “идеалами классовой борьбы”. По своему характеру, утверждает Е. Шмагин, Юлий Квицинский “невольно ассоциировался с образом Дзержинского. Некоторые коллеги его так и называли – “Железный Юлик”. (Первый раз слышу. – В. Р.) А вот как отзываются о Ю. Квицинском его западные коллеги: “Толстые стёкла очков, которые делают его, на первый взгляд, неприступным, вводят в заблуждение. В светской беседе Квицинский умеет произвести впечатление весьма остроумного, находчивого и лёгкого в общении партнёра. Правда, этот дипломат может быть и иным. В конфликте вокруг СОИ, о чём рассказывают американские партнёры Квицинского по переговорам, это дипломат, который умеет отстаивать свою точку зрения упорно и, если надо, то и с имперским нажимом (выделено мною. – В. Р.) (“Штуттгартер Цайтунг”, 23 августа 1986).

Е. Шмагин подчёркивает, что Юлий Квицинский “свято верил в коммунистические идеалы и сохранил приверженность им до последнего”. А в какие именно идеалы верил Квицинский? Вот что пишет по этому поводу известный немецкий политик Эгон Бар: “Когда он (Квицинский) говорит о “кристально честном коммунисте”, то он имеет в виду требовательность к себе, верность принципам, неподкупность и скромность в жизни. Он научился презирать махинации, обогащение и коррупцию ещё со времён Советского Союза, а теперь презирает их и подавно. Это производит приятное впечатление” (“Райнише Меркур”, 16 апреля 1983).

Вот каким идеалам был верен Юлий Квицинский, Евгений Алексеевич!

Думаю, что недружественное отношение Е. Шмагина к Юлию Квицинскому продиктовано не столько разногласиями по принципиальным вопросам внешней политики Советского Союза, сколько личной обидой. В кругу друзей, где присутствовал Юлий Квицинский, Е. Шмагин “сказал что-то критическое в адрес МИДа, его заграничных учреждений и внешней политики СССР, основываясь на впечатлениях от практики в Лейпциге”. В ответ Юлий Квицинский преподал ему урок уважительного отношения к внешней политике собственного государства. Но Е. Шмагин считает, что с тех пор он всю жизнь ходил у Юлия Квицинского в “пасынках”.

Шмагин скептически относится к патриотической позиции Квицинского: “Right or wrong – my country” – “Моя страна – права она или нет”. “Какой же

здоровымыслящий патриотично настроенный человек, – утверждает Е. Шмагин. – пустится опровергать этот не вызывающий сомнение тезис? Но всё же куда приятнее однажды с чистой совестью признать другое: “What’s right – that’s my country” (“Это моя страна, если она проводит правильную политику”. – В. Р.). Иными словами, если страна права и в ней сытно и комфортно жить, то это “моя страна”. А вот что говорит по этому поводу Квицинский: “Да, жертвы были! Были ошибки и преступления. Но человек не выбирает себе ни отечество, в котором рождается, ни общество, в котором появился на свет и рос. Народ без прошлого не будет иметь и будущего”. Юлий Квицинский убеждён, что ни один политик, ни один дипломат не добьётся успеха, если он находится в оппозиции к собственной стране и “отплясывает гопака” на её прошлом.

“Весь глубоко творческий и высоко патриотический запал таланта Юлия Александровича, – утверждает Е. Шмагин, – был поставлен на службу интересам советской внешней политики, которая вместе с её старшей сестрой – политикой внутренней, – в конечном итоге, привела к развалу великой страны”.

Предвижу вопрос моих уважаемых читателей: а почему Евгений Шмагин не может критиковать внешнюю политику СССР? Недостатки в кадровой политике МИД СССР–России? Руководителей посольств, “не дававших ходу” молодым, талантливым дипломатам? Законный вопрос! Отвечу: у нас есть свобода слова, но это не означает свободу распространять недостоверную информацию, свободу оскорблять и унижать людей. Ваш покорный слуга считает: если ты высказываешь мнение – даже очень смелое! – то будь добр, подкрепи его фактами. А иначе твоё мнение превращается в гамак, привязанный к гнилым веткам – сядешь в него и... рухнешь на землю. Есть такой старый анекдот. Одного еврея решили сделать раввином. Но его сосед возразил: “Какой из него раввин? У него две дочери, и обе проститутки!” Бедный еврей, кандидат в раввины, взмолился: “Помилуйте! У меня нет дочек! У меня два сына!” На что его сосед сухо отрезал: “Моё дело сказать, а вы там сами разбирайтесь!”

Мнения могут быть разными, а факты – нет

Когда Е. Шмагин критикует внешнюю политику СССР–России, то он должен сказать, чья внешняя политика? Сталина и Громыко? Или внешняя политика Горбачёва и Шеварднадзе? Истина всегда конкретна. Напомню некоторые факты.

Книга Е. Шмагина опубликована в год 70-летия Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Лектор-международник Е. Шмагин должен знать, какой вклад в эту Великую Победу внесла советская дипломатия. В предвоенные годы Запад стремился столкнуть лбами гитлеровскую Германию и Советский Союз (так же, как и сегодня США пытаются, и безуспешно (!), столкнуть лбами Европу с Россией). Но Пактом о ненападении 1939 года Сталин предложил западным державам повоевать вначале самим с Германией. Было выиграно время и заложена база для создания Антигитлеровской коалиции. А Договором о нейтралитете с Японией 13 апреля 1941 года Сталин спас страну от войны на два фронта. Были, конечно, допущено и ошибки, и просчёты в канун нападения Германии на Советский Союз.

Послевоенная политика западных держав и Советского Союза в германском вопросе напоминала перетягивание каната. Ставка была очень высока – объединённая Германия в союзе с Западом или с Востоком. У США и СССР были разные цели в германском вопросе. Американцы хотели использовать ФРГ в качестве военного плацдарма для выдворения “русского медведя” за Урал. Создав в 1949 году ФРГ, канцлер Аденауэр потребовал восстановления объединённой Германии в границах 1937 года. Он отказался признать послевоенные реалии в Европе и, в частности, восточные границы, отвергал нормализацию отношений с ГДР, Польшей и другими социалистическими странами Восточной Европы. В 1955 году ФРГ была принята в НАТО.

Политика Советского Союза была направлена на обеспечение безопасности СССР и его союзников, недопущение возрождения милитаристской и реваншистской Германии и её нового восточного похода. Сталин не был противником германского единства. Главным условием объединения Германии он считал её неучастие в военных блоках. Когда стало ясно, что первоначальная цель советской политики – создание антифашистской демократической нейтральной Германии – не могла быть реализована, Советский Союз

стал укреплять ГДР — главный оплот на пути нового восточного похода Европы против СССР–России.

Е. Шмагин чувствовал себя во время командировки в ФРГ в середине 80-х годов “очарованным странником”: доброжелательные немцы, демократия, широкие возможности для контактов и т. д. Но он не отдавал себе отчёта в том, что эти перемены были достигнуты за счёт усилий целого поколения политиков и дипломатов Советского Союза, ГДР и выдающихся личностей в самой ФРГ, вступивший в борьбу за то, чтобы “с немецкой земли никогда больше не исходила война”. Среди них были коммунисты, социал-демократы, члены ХДС, партии “Зелёных”, священники Евангелической церкви Германии, бывшие офицеры вермахта Мартин Нимеллер и Хельмут Хильд. Важную роль в нормализации отношений с СССР сыграла “новая восточная политика” Вилли Брандта. В 1970 году СССР и ФРГ подписали Московский договор, в котором правительство Вилли Брандта признало границы всех государств в Европе, включая границу по Одер–Нейсе, а также границу между двумя германскими государствами. В 1971 году было подписано Четырёхстороннее соглашение по Западному Берлину, а в 1975-м — Хельсинский Акт.

Да, после войны мы жили в Советском Союзе небогато. На это жалуется Шмагин, восхищаясь сытой и комфортной жизнью в ФРГ и Западном Берлине. А почему? Он что, не знает? В войне мы потеряли 30 млн наших граждан. Нам пришлось восстанавливать разграбленное и разрушенное народное хозяйство в западной части страны. Но это ещё не всё. США, разжиревшие на войне, изобрели ядерное оружие и грозились сбросить атомные бомбы на наши города. Нам пришлось вновь затянуть потуже пояса, чтобы восстановить паритет с США в этой области. И мы этого добились. Без малого 50 лет советский народ радовался мирной жизни. И лишь после того, как к руководству Советским Союзом и МИД СССР пришли Горбачёв и Шеварднадзе, которых даже по ТВ в ФРГ (сам слышал! — **В. Р.**) называли “могильщиками СССР”, внешняя политика нашей великой державы *пошла вразнос*. Горбачёв отказался от защиты национальных интересов СССР в угоду так называемым “общечеловеческим ценностям”. Он оказался недалёковидным политиком. Вот как он оправдывал своё согласие на включение Германии в НАТО: “Реальной угрозы нашей безопасности от включения всей Германии в НАТО в условиях необратимости холодной войны я не видел, да её и не было уже на деле”.

Верхом наивности звучат сегодня слова Горбачёва о том, какие преимущества мы получим от нашего согласия на объединение Германии без всяких гарантий для безопасности СССР: “На порядок усиливается шанс иметь в её лице надёжного (!) и мощного партнёра, если не союзника, и в международных, и в наших внутренних делах”. (Михаил Горбачёв. Как это было. К 10-летию объединения Германии. “Независимая газета” 08.09.1999).

А сегодня Германия — под крышей блока НАТО — принимает участие в новом восточном походе Европы против России под руководством США. Вот вам, Михаил Сергеевич, и “надёжный” партнёр! Горбачёва Е. Шмагин называет “великим реформатором, не понятым собственным народом...”

Будучи послом в ФРГ (1986–1990), Квицинский не раз предупреждал советское руководство, что уступки в германском вопросе в ответ на крупные кредиты от ФРГ — это очень опасная игра. “Германский вопрос для нас, — отменял он, — не был никогда сравним по своей взрывной политической силе ни с каким другим вопросом нашей внешней политики” (Юлий Квицинский. Время и случай. Заметки профессионала. М., “ОЛМА-ПРЕСС”, 1999). Но его и слушать не хотели. 13 мая 1990 года он был призван в Москву и назначен заместителем министра иностранных дел. Сам Квицинский не испытывал никакой радости по поводу этого повышения. “Меня звали в Москву, — подчёркивал он, — чтобы доигрывать шахматную партию, которую по умыслу или по легкомыслию уже безнадежно “запороли” другие. Речь шла о сдаче ГДР, конец которой должен был неизбежно наступить в считанные месяцы” (там же). Квицинский отмечает при этом, что никто из руководства МИД СССР не испытывал в то время желания встать за штурвал, “чтобы постараться спасти хотя бы то, что ещё можно было спасти в условиях наступившего фиаско нашей послевоенной политики в германских делах”.

Следует отметить, что в Москву Юлий Квицинский вернулся, когда переговоры по формуле “2+4”, то есть переговоры представителей ФРГ и ГДР плюс

СССР, США, Англии и Франции по внешним аспектам германского урегулирования уже начались. Он взялся за составление проекта заключительного документа, регулирующего внешние аспекты объединения Германии. “Когда готовилось объединение Германии, – подчёркивал Квицинский, – нас уверяли, что в планы НАТО не входит движение на Восток. Когда это движение всё же началось, стали утверждать, что всё это были милые дружеские беседы с Горбачёвым, а юридических обязательств Запад на себя не брал. Нет нужды говорить, что подобные манеры являются неприличными. Но и уверения в отсутствии юридических обязательств – тоже неправда. Достаточно посмотреть на договор об “Окончательном урегулировании в отношении Германии” от 12 сентября 1990 года, чтобы понять это. По данному договору территория ГДР вошла в сферу НАТО, но там могли присутствовать только немецкие территориальные войска, не входящие в натовские структуры. Никаких иностранных войск, никаких носителей ядерного оружия. Крайней восточной границей сферы НАТО в смысле статьи 5 его Учредительного договора должен был таким образом стать Одер” (“Дипломат Юлий Квицинский. НАТО: ДРАНГ НАХ ОСТЕН”. М., “Международные отношения”, 2013).

Известный французский политик Филипп де Вилье отмечает в книге “Пришёл момент сказать, что я думаю”: “Запад должен понимать: европейцы и американцы не сдержали обещаний, данных после развала Советского Союза. Пограничные с Россией страны не должны находиться под контролем НАТО. Ситуация на Украине во многом усложняется тем, что американцы добиваются её вступления в Североатлантический альянс. Однако русские никогда не допустят, чтобы натовские самолёты за четверть часа могли долететь до Москвы. Будучи истинным французским патриотом, я постоянно говорю нашим политикам: “Только безумцы могут так обращаться с Россией. Нельзя унижать великий народ, который относится к нам с симпатией. Зачем бессмысленно ранить русскую душу?” (“Культура” № 39, 13–19 ноября 2015).

Квицинский обезвредил “бомбу” под названием Западный Берлин

И несмотря на очевидные просчёты Горбачёва, всю вину за фиаско в нашей послевоенной политике в германских делах Е. Шмагин возлагает на Квицинского: “Призрачны, к сожалению, и заслуги Юлия Александровича на германском направлении. Все его главные жизненные труды: конструирование особого политического образования (?) под названием Западный Берлин, цементирование германского раскола, сдерживание (?) поступательного развития отношений с ФРГ, изблечение Западной Германии в реваншизме и неонацизме, да и кое-что другое, – в конечном итоге, потерпели фиаско”.

В Берлине, который, как известно, был взят советскими войсками, был размещён Контрольный совет, состоявший из главнокомандующих четырёх держав. Город разделили на четыре сектора. В западных секторах разместились американцы, англичане и французы со своими воинскими контингентами, в восточном – советская администрация.

В 1948 году в западных секторах Берлина была проведена сепаратная денежная реформа. Вот что пишет по этому поводу Юлий Квицинский: “Да и любому нормальному человеку было ясно: весь Берлин был ещё совсем недавно органически слит со своим непосредственным окружением, то есть с землями, входившими в состав ГДР, и выделение его западных секторов в особое образование с другой властью, валютой, общественными порядками в 1948–1949 годах было аномалией “холодной войны” (“Время и случай”. С. 264).

Кто же создал, Евгений Алексеевич, “особое политического образование под названием Западный Берлин”? Зачем вы наводите тень на плетень?

Западный Берлин стал гнездом шпионов и диверсантов. Он использовался для организации информационной войны против ГДР, подрыва её изнутри. До возведения стены (13 августа 1961 года) через Западный Берлин в ФРГ бежали тысячи граждан ГДР, поскольку зарплата там была в пять-шесть раз выше, чем в ГДР. Посольство СССР находилось рядом со стеной, разделявшей Берлин. По ночам там возникали перестрелки, а утром в газетах публиковались фотографии убитых пограничников ГДР. Западный Берлин считали бомбой замедленного действия на линии соприкосновения войск НАТО и Варшавского договора. И именно Юлий Квицинский стал тем сапёром, которому удалось обезвредить эту “бомбу”. С 1959 по 1965 год Квицинский работал

переводчиком у посла М. Г. Первухина в Берлине. Там он убедился на собственном опыте, какая взрывоопасная обстановка сложилась в результате конфронтации на границе с Западным Берлином. По возвращении в Москву Юлий Квицинский был определён на службу в 3-й Европейский отдел МИД СССР. Изучив массу документов, он подготовил для руководства предложения, направленные на урегулирование обстановки вокруг Западного Берлина. Они были одобрены, а когда в 1970 году начались четырёхсторонние переговоры по Западному Берлину, Юлий Квицинский стал фактически главным переговорщиком с советской стороны. 3 сентября 1971 года Четырёхстороннее соглашение по Западному Берлину было подписано. Оно получило высокую оценку как на Западе, так и на Востоке.

Благодаря инициативе Квицинского было достигнуто соглашение об учреждении в Западном Берлине Генерального Консульства СССР. Об этом надо было бы знать Шмагину, который работал в этом консульстве.

Несмотря на свою молодость, Квицинский (ему было в то время 34 года), произвёл сильное впечатление на участников переговоров со стороны трёх западных держав. Это были первые в его жизни переговоры. Он вёл в Берлине сложную дипломатическую игру с целью достижения компромисса по статусу Западного Берлина, творил историю. И этот факт признавали во всём мире. «Западники, которые входили в контакт с ним, считают его умелым профессиональным дипломатом, исключительно умным и весьма реалистичным. Он быстро думает и обладает обострённой способностью улавливать слабые места в аргументации противника. Он не страдает «зашоренностью» прежних поколений советских дипломатов. Он хорошо разбирается в западном мире, особенно в Западной Германии. На переговорах Восток–Запад он тоже не новичок. Москва, несомненно, выработала в его лице человека, способного справляться с исключительно сложными вопросами, возникающими на переговорах» («Таймс», 27 ноября 1981).

Самое главное в Четырёхстороннем соглашении состоит в том, что Квицинскому удалось добиться в нём баланса интересов не только четырёх великих держав, но и двух германских государств.

Отношения между СССР и ФРГ – упущенные возможности

Е. Шмагин утверждает далее, что Квицинский якобы «сдерживал поступательное развитие отношений с ФРГ». Обратимся вновь к фактам. В 1986 году Квицинский был назначен послом в ФРГ. С присущей ему энергией и профессионализмом новый посол СССР в Бонне взялся за достижение главной цели: прорыва в торговых и научно-технических связях с ФРГ. За годы работы в Бонне через руки Квицинского прошло около 40 (!) различных проектов совместных предприятий, кооперационного сотрудничества, сделок в третьих странах. Квицинский считал, что у Запада была стратегическая цель – не давать нам зарабатывать деньги на высокотехнологических направлениях. Нам всегда предлагали сотрудничество в области добычи и переработки сырья. Квицинский же предложил развернуть сотрудничество с ФРГ в сфере космических исследований. «Во всяком случае, – подчёркивал наш дальновидный дипломат, – разверни мы тогда с ФРГ мало-мальски серьёзное сотрудничество в космосе, мы, несомненно, смогли бы, несмотря на падение цен на нефть, сделать очень многое для развития производственных и коммерческих связей с крупнейшими химическими и машиностроительными концернами ФРГ, подъёма сельского хозяйства и улучшения экономической обстановки. Увы, не развернули». (Эти взгляды Квицинского на развитие экономического сотрудничества с ФРГ в полной мере сохраняют свою актуальность сегодня.)

К сожалению, смелые и энергичные действия Квицинского в области экономического сотрудничества с ФРГ не нашли должной поддержки со стороны Горбачёва, который в конце 1988 года перешёл к слову социалистической системы в СССР.

А чем не угодил Е. Шмагину советский посол В. Семёнов?

Е. Шмагин критикует также и посла В. С. Семёнова и его советников за то, что они якобы переоценивали влияние в ФРГ левых сил, в частности, коммунистов и направляли в Центр необъективную информацию: «Выходило,

что Западная Германия очарована всё новыми и новыми порциями миролюбивых внешнеполитических инициатив Советского Союза, что здесь повсеместно крепнут левые силы и вроде бы даже созревают условия для мирного поглощения ФРГ, — конечно, не сейчас, но в достаточно отдалённом будущем — Германской Демократической Республикой”.

Должен сказать, что я в качестве руководителя внутривластной группы почти всегда присутствовал на беседах посла с председателем ГКП Гербертом Мисом. И чтобы мы обсуждали такую чушь, как перспективы поглощения ФРГ Германской Демократической Республикой? Как говорят в Одессе: “Не думайте, Евгений Алексеевич, что я такой дурак, как Вы мне кажетесь!” — любимая присказка В. М. Фалина. А если серьёзно, то вот что пишет на эту тему Квицинский: “Ельцин критиковал посла В. С. Семёнова и посольство за недостаточное внимание к деятельности коммунистов и развитию рабочего движения в ФРГ. Правда, он явно переоценивал возможности коммунистов и их реальное влияние на жизнь в ФРГ” (“Время и случай”).

В. С. Семёнов был, безусловно, крупной личностью, профессионалом, знавшим германский вопрос во всех его хитросплетениях. Он обладал огромным опытом как переговорщик, и у него можно было многому поучиться. Под его непосредственным руководством нашей группе внутренней политики и двусторонних отношений удалось успешно завершить в 1985 году переговоры с МИД ФРГ о строительстве новых зданий посольств СССР в Бонне и ФРГ в Москве, которые тянулись десятки лет. Зная наших бюрократов, немцы поставили строительство нового здания в Бонне и начало его открытия в зависимость от соблюдения сроков в Москве. И я посмотрел, как В. С. Семёнов громил наших бюрократов в Москве! В своей книге Евгений Шмагин восхищается новым зданием посольства в Бонне, где он работал генконсулом. Хоть бы спасибо сказал, вместо старческого брюзжания.

В. С. Семёнов считал себя режиссёром “посольского оркестра”. Он стремился пробудить в каждом из нас солиста. Давал нам свободу творчества, разрешал вторгаться в “охотничьи угодья” других групп посольства. Он не опекал нас, не заставлял отчитываться: где был и с кем встречался?

Сам он старательно избегал конфронтации с немцами, советовал и нам не поддаваться эмоциям в беседах. Даже в период резкого обострения отношений с ФРГ, вызванного принятием Бундестагом решения о размещении на территории Западной Германии американских ракет средней дальности, он сохранил спокойствие, твёрдо веря, что кризис будет преодолен. Так и случилось впоследствии. Но он требовал, чтобы мы не забывали, какая ответственность перед нашим народом лежит на тех, кто работает здесь. Об этом он говорил советнику-посланнику Юлию Квицинскому: “Помни о миллионах могил, которые за нашей спиной. Не забывай никогда о том, с кем имеешь дело”.

В посольстве царил хорошая творческая атмосфера. Никто не испытывал особого страха перед послом. Советник-посланник Терехов В. П., как и другие ответственные сотрудники посольства, смело отстаивал в беседах с Семёновым В. С. свою точку зрения. Сам В. С. Семёнов был человеком жизнерадостным, понимал юмор. Были, разумеется, и у него свои слабости. Но у кого их нет?

Работая в Австрии, Е. Шмагин вспоминал, что ему “ужасно недоставало той дружеской, искрящейся взаимоподдержки и взаимовыручки, которая царил в нашей боннской обители” (в Посольстве СССР в Бонне. — В. Р.) И он совершенно прав. Все молодые сотрудники боннского посольства: И. Братчиков, В. Поленов, О. Красницкий, Р. Карсанов и сам Е. Шмагин — стали послами, генконсулами, советниками-посланниками, то есть сделали карьеру.

За какие же грехи Е. А. Шмагин так глумится над послом В. С. Семёновым, оскорбляет его советников, живых и мёртвых?

Герои возвращаются

Затевая перестройку с целью слома социалистической системы в СССР и перераспределения собственности, Михаил Горбачёв понимал, что встретит серьёзное сопротивление внутри страны. Чтобы переломить настроения в обществе в пользу сил контрреволюции, он дал старт наступлению либеральных демократов на моральные и нравственные ценности советского народа. Начали с разоблачения “преступлений сталинского режима”. Затем стали развенчи-

вать героев Великой Отечественной войны: маршала Георгия Жукова – “погубителя солдат”, Зою Космодемьянскую. Очередь дошла и до воинов-афганцев. Запад оказал массивную информационную поддержку Горбачёву. Вторую мировую войну выиграла, оказывается, американцы. Ведь они остались на территории Германии, которая стала их оккупированным “союзником”, а русские войска были вынуждены “убраться” из Европы.

Ну, если у нации нет героев, нет в истории великих подвигов, великих побед, то с ней можно и не считаться в мировых делах – таков смысл нынешней информационной войны, которая ведётся на Западе против России. Пытаясь бросить тень на славу Юлия Квицинского как на державника и патриота, человека высокой культуры и морали, которым гордится русский народ, Евгений Шмагин – вольно или невольно – оказывается в стане наших либералов.

Он не хочет при этом замечать, что в самой России произошли огромные перемены – русские герои возвращаются. Яркое свидетельство тому – марш миллионов по всей стране в память “Бессмертного полка” с портретами героев Великой Отечественной войны. А какое уважение проявила страна к подполковнику Олегу Пешкову, командиру бомбардировщика, сбитого турками в Сирии! Министр обороны Сергей Шойгу лично встречал самолёт, на котором доставили в Москву гроб с телом погибшего офицера. Посмертно ему присвоили звание Героя России.

В связи с открытием 25 ноября в Екатеринбурге “Ельцин-центра” бывший первый помощник Бориса Ельцина Георгий Сатаров заявил, что у нас “возрождается некая мода на Ельцина!” (мк.ru. 22 ноября 2015). Упаси Бог! У нас, г-н Сатаров, возрождается традиция чтить героев Отечества.

Главный редактор газеты “Культура” Елена Ямпольская пишет: “Какая неудержимая сила постоянно опрокидывает нас в советское прошлое? И мы валимся назад, кто с наслаждением (ведь знаешь, что нелепо, смешно, безрассудно, безумно, но – волшебно), кто – с возмущёнными воплями. Какой магнит утягивает нас, будто Электроника в клетчатый чемоданчик? Очень простой – наличие идеала” (“Культура” № 40 20–26 ноября 2015).

Глубоко символично, что с возвращением героев сама Россия возвращается – в качестве важного игрока – в мировую геополитику, жёстко заявляет свой внешнеполитический суверенитет, становится фактически лидером в борьбе против международного терроризма. И опирается при этом – по русской традиции – на возросшую мощь своих главных союзников: армии, воздушно-космических сил и флота.